

ХЕЙЗИНГА (Huizinga) Йохан (1872—1945) — нидерландский историк и теоретик культуры. Профессор кафедры всеобщей истории в Гронингеном (с 1905) и Лейденском (с 1915) университетах. Мировую известность получили труды Х. по культуре европейского средневековья и Возрождения («Осень средневековья» — 1919; «Эразм и век Реформации» — 1924) и по философии культуры («Homo ludens» — «Человек играющий» — 1938) и др. В области методологии исторического познания («Новое направление в истории культуры», 1930 и др.) Х. примыкает к традиции швейцарского историка культуры Я.

Буркхардта, отказываясь от формальных схем исторического процесса, его объективации. Он выдвигает на первый план понятия культуры и личности, представление о целостности той или иной эпохи, тезис о присущем ей особом культурном языке, идеал единства и духовной наполненности человеческой культуры. Парадокс его методологии заключается в том, что Х. подчеркнуто неметодологичен, он как бы прислушивается к голосу самой

Истории, почти не интересуясь методологическими проблемами своей науки; не достигая целостности, полноты, системности в своей работе историка, он отрицает исторический фатализм, а вместе с тем и вообще познаваемость и возможность исторических законов. И в то же время в работах Х. четко прослеживается неумолимая логика историко-культурного мышления, благодаря которой разнообразные исторические факты складываются в целостную, диалектически противоречивую, сложную картину жизни эпохи. Для Х. характерен интерес к переломным, «зрелым и надламывающимся» эпохам, когда традиции вступают в диалог с обновляющимися тенденциями в развитии культуры, причем в большей степени Х. привлекает тезис о культуре умирающей, чем о зарождающейся или цветущей: средневековье как гармоничная целостность для него не провозвестие грядущего, а отмирание уходящего в прошлое, в Ренессансе же он вовсе не видит единого периода, ядра культурной эпохи. Возможно, проблема заключается всего лишь в произвольности выбора определенной точки зрения, а может быть, в экзистенциальном опыте 20 в., уверившем Х. в том, что современность деградирует и ее культура рушится.

В таком контексте 15 век понимается как аллегория всей истории в ее «нормальности» и в ее «закате», а также и как обнаружение архетипических оснований современной культуры. Культурологическая позиция Х. проясняется в работе «Homo ludens», книге об извечной первозданности человеческой культуры, никогда не порывающей со своими истоками. Х. прослеживает роль игры во всех сферах человеческой жизни и во всей истории в целом.

Для него вся культура — игровая, игра — это больше, чем культура. Выступая в качестве культурно-исторической универсалии, игра заменяет собой все другие культурологические категории. Расценивая игру как творческое позитивное начало, Х. наделяет серьезность атрибутом негативности. Несмотря на то, что ценность работы несколько приглушается неопределенностью ее выводов (Х. вынужден апеллировать к неразрешимой запутанности проблемы серьезного и игры), само выдвижение игры на роль важнейшего элемента человеческой истории сыграло исключительную роль в философии культуры, ибо Х. предопределил одну из ключевых тем современной культурологии, имеющей дело с целым рядом взаимосвязанных понятий — игра, карнавал, смех.

Значение Х. для современной истории, теории культуры определяется также и тем, что в своих работах он наметил возможности новых методологических подходов: антропологического, структурно-типологического, семиологического и др., что свидетельствует о близости работ Х. с работами Леви-Стросса, Мосса и др., а его обращение к социальной психологии, специфике средневекового мировидения, того, что позднее получило название «ментальность», позволяет говорить о Х. как о непосредственном предшественнике французской исторической школы «Анналов».

А.Р. Усманова